

Наталья Рубанова
АНФИСА
В СТРАНЕ
ЧУДЕС

Наталья Рубанова
Анфиса в Стране чудес

«Автор»

2000

Рубанова Н.

Анфиса в Стране чудес / Н. Рубанова — «Автор», 2000

«Пелевин в юбке»: сюжет вольно отталкивается от кэрролловской «Алисы в Стране Чудес», переплетаясь с реалиями столичной жизни конца прошлого века и с осовремененной подачей «Тибетской книги мертвых»: главная героиня – Анфиса – путешествует по загробному миру, высмеивая смерть. Место действия – Москва, Одесса, Ленинград, запущенные пригороды. В книге существует «первое реальное время» и «второе реальное время». Первое реальное время – гротескные события, происходящие с Анфисой и ее окружением ежедневно, второе реальное время – события, также происходящие с Анфисой ежедневно, но в другом измерении: девушка видит и слышит то, чего не слышат другие. Сама Анфиса – студентка-пятикурсница, отбывающая своеобразный «срок» на одном из скучнейших факультетов некоего столичного института, который она называет «инститам». Чтобы не свихнуться, девушка придумывает себе собственный мир и, в конце концов, попадает в него так же легко, как и в реальный – после ночного сна. Но этот мир «внутренней эмиграции» оказывается не таким уж мирным; он так же не приносит ей покоя (два мира – две жизни Анфисы, ее двойное дно). Анфиса постоянно чувствует присутствие некоего «духа», разговаривающего с ней; это – Голос из Тибетской книги мертвых, рассказывающий девушке, как нужно правильно умирать, и не переродиться никогда больше – ведь Анфиса ни жива ни мертва. Но, как это часто случается в ее возрасте, она влюблена. У молодого человека нет имени – он просто Небезызвестный. На их «романе» нет акцента, но по ходу развития сюжета становится ясно, что Анфиса испытывает дискомфорт, и даже мучается от недостатка любви – к ней – Небезызвестного. И именно с такой подачи героиня разрешает происходить определенным событиям, кажущимся на первый взгляд абсурдными.

© Рубанова Н., 2000

© Автор, 2000

Наталья Рубанова

Анфиса в Стране чудес

роман с реальностью

Посвящается Анфисе в Стране Чудес

Анфисе прискучило сидеть на скамейке рядом с самой собой и пускать колечки дыма в воздух. Пару раз заглянула она украдкой в журнал, который читала, но в нем не было ни гороскопа, ни вообще чего-нибудь отдаленно намекающего на будущее. «А какой смысл в журнале, если в нем ни гороскопа, ни будущего», – подумала Анфиса, глотая сухое настоящее.

Потом она прикинула (насколько вообще можно прикинуть в невыносимо жаркий день), сонно и устало так прикинула, стоит ли вставать, идти в институт и плести рифмы на лекциях, а потом получать очень-очень синий диплом и прыгать с ним в люди – стоит или нет?

Вдруг пушистая Белка с красными глазками пробежала мимо нее своим белым путем мудрости, подобной зеркалу. Конечно, в этом не было ничего странного. Анфиса не удивилась даже тогда, когда Белка пробормотала про себя: «Ах, crazy girl, я не андестендю ничего!»

Думая об этом позже, Анфиса не понимала, как могла не удивиться, услышав, что Белка заговорила; но в то время это не казалось странным.

Сгорая от любопытства, Анфиса бросилась за Белкой, совершенно не заботясь о последствиях: так впрочем, чаще всего бывало, когда Анфиса не шла в институт. «И что это за институт? – общалась сама с собой Анфиса. – Это не институт, а инститам. А зачем ходить там, если можно – тут?» – резонно заметила Анфиса и выключила то, что могло все же привести ее в инститам.

Анфиса еле поспевала за Белкой, а та бежала все дальше и дальше, все быстрее и быстрее. Анфиса даже подумала, что от такого галопа могут выветриться последние капли ее любимых духов: параллельно она вспомнила, как, садясь в маршрутку утром, оказалась напротив женщины, которая вряд ли бы понеслась за неопознанной, слегка говорящей, Белкой непонятно куда: от женщины за версту несло комфортом, уютом и хрустящими новыми стольниками в пахнущем натуральной кожей кошельке, а от Анфисы за версту не несло ни комфортом, ни уютом и уж тем более – хрустящими новыми стольниками: от Анфисы за версту несло пофигизмом и последними капельками сумасшедших духов, продающихся в переходе метро «в розлив».

Вообще, пока Анфиса бежала за Белкой, то, к своему удивлению, успевала вспомнить очень многое. Это были какие-то странные картинки, прокручивающие дни недели в обратном порядке в убыстряющемся темпе: тем не менее, Анфиса успевала на них сфокусироваться и переварить.

Вот, например, Анфиса стоит на автобусной остановке, а недалеко от нее какие-то бабки с сумками на колесиках; в недрах сумок покоятся пустые пивные бутылки.

И между ними – читай бабками – происходит следующий разговор:

– Слышь, а грибов-то нонче – ого-го-го! – говорит одна, а другая ей громко шепчет:

– Я, это, знаю чего. Грибы-то, они, когда их много – к войне, слышь!

– Да ну! – поражается первая.

– К войне, к войне, – успокаивает вторая и трясет клюкой. – Им-то молодым, что... Эх!

Ироды, сволочи, да, на них пахать надо! Ишь, фитуристы! Очки бы не глядели...

К бабкам подключается дед не очень старческого вида с портфелем а' ля лубянский люкс, и в клетчатом шарфе:

– Сталина бы сейчас! Он бы их всех перевешал! Истинный крест, перевешал, как на духу!

Бабки всплескивают руками и радостно кивают: «Истинный! Истинный!» Но тут приходит автобус и, запылесосив ожидающих, уезжает в известность, грохоча аббревиатурами РЭУ, ЖЭУ, ЖКО и СМУ, а далее ООО, ОАО, ТОО и так до бесконечности.

А перед Анфисой, не теряющей из вида Белку, встает еще одна картинка: солнце, перрон, школьников тащат на экскурсию на некий километр. Тинейджерам где-то лет по четырнадцать-пятнадцать. Нудная толстая училка неопределенного возраста орет на некоего Смирнова:

– Ах, ты, паразит! Ну, сколько ты меня мучить будешь! И куда родители смотрят! Смирнов! Быстро снимай наушники! Смирнов! Я кому сказала! Ты извращенец, Смирнов! Кто разрешил ходить по городу в наушниках? Снимай сейчас же! И руки! Да, да! Руки из карманов вытащи! Вынь, вынь, – тебе говорят!

...На этом крике души Анфисе стало снова скучно, и она огляделась, испугавшись и озадачившись потерей Белки, но в ту же минуту заметила ее мелькнувший за кустом хвост, и нырнула за ним в темноту, даже не подумав о том, как она из этой темноты выберется. Но думать было поздно: не успела Анфиса опомниться, как полетела куда-то, точно в глубокий колодец. То, что она падала НЕ вниз, не вызывало сомнений. «Но разве человек может падать вверх?» – пыталась мыслить логически Анфиса, хотя логика была здесь абсолютно не при чем.

Анфиса расслабилась и по направлению ветра определила, что падает ни вверх, ни вниз, а вбок – причем в такой кривой и труднодоступный, что просто дух захватывало у самого этого «бока».

«Неужели этому не будет конца? – размышляла меланхолично Анфиса. – Однако после такого падения мне уже не страшно будет скатиться даже под лестницу нашей инститапской курилки! Это только в сериалах после падения с лестницы случаются выкидыши. М-да, хотя, при чем здесь сериалы и куда я вообще лечу, хотелось бы знать?»

Думая так, Анфиса падала все глубже и глубже вбок, пока не поняла, что достигла крайней степени детской болезни левизны. Она сама толком не понимала, что значит «детская болезнь левизны», но то, что *это* было уже крайней степенью, ясно было без дураков. Когда же Анфиса первый раз поглядела вбок, то она не увидела там ничего, кроме толстого слоя пыли. Но, присмотревшись внимательнее, заметила, что это вовсе и не пыль, а прокрученные через мясорубку почтовые марки – SECOND HAND, продающиеся в развес или в обмен на новые дубленки в самых различных магазинах Москвы.

Затем показались расклеенные конверты со штемпелями уже прошлого века. Если бы их не рассекли секатором, а потом не склеили скотчем, они казались бы совсем новенькими. «Фу ты, блин! – буркнула Анфиса, заворачивая все дальше и дальше налево. – Вот ведь!» Анфисе не нравились ни бэушные марки, ни смирительные рубашки расклеенных конвертов, и она прикрыла веки. Но тут внутри нее что-то будто бы хрустнуло, и прямо перед глазами высветилась рекламная паутина некой весьма переменчивой в своих мыслях Книги: «Благоприятна стойкость».

Анфиса чему-то улыбнулась, и тут же прикусила улыбку: стойкость – так стойкость, хотя едва ли благоприятна...

– Ать-два, ать-два, левой-правой, левой-правой, на парад идет отряд, листья желтые летят, – донеслось откуда-то еще левее, и Анфиса услышала звуки, издаваемые третьим

китом Д. Кабалевского, на воображаемой холке которого бальзамировалась вся мировая музыкальная культура, препарированная методологией, скажем, музпедовских факов.

Потом появились еще два: первый кит пел экс-неологизм о чьей-то советской родине, а второй пританцовывал, всуе заливая фонтаном «Методические записки охотника».

Анфиса летела, ощущая себя то деревянным солдатиком, то непосредственно самим маршевым ритмом – это начало раздражать ее; она подавила позыв тошноты, и снова почему-то вспомнила глупый сериал, подсмотренный случайно в очереди парикмахерской: там люди все время пили апельсиновый сок, потом падали с лестницы, а другие непременно строили им козьи морды, но побеждала в основном дружба, хотя трехмерная жвачка все-таки и прилипала к их телезубам. «Какая разница», – вздохнула Анфиса, словно знала что-то Тайное. Прошло ведь уже довольно много времени, а она все сворачивала, и сворачивала налево!

«Но если этому не будет конца, то есть, если нет вообще конца, то должно же быть хотя бы начало? – Анфиса равнодушно спрашивала саму себя, и сама же себе отвечала: – Хотя, как раз, начала-то может и не быть. Где-то я об этом читала...»

Анфиса чувствовала, что постепенно засыпает, как вдруг – хлоп! – упала на что-то мягкое и смутилась, как в шестнадцать. Она огляделась: мягким оказался самый обыкновенный пакет со сложенным вчетверо костюмом для очень восточного единоборства, а лежал он в самом настоящем леве: на травке с кривоватой табличкой «По газонам не ходить» малюсенького как бы парка с двумя гнусными, вечно занятыми, лавочками между шумным перекрестком рядом с «Марксистской» и «Таганской» кольцевой.

– Ай да я, – подумала Анфиса. – Я же пару лет назад отсюда убежала, эк меня налево развезло опять, – взгрустнулось ей, и она решила купить 0,33 дынной водки, хотя никогда не была от нее в восторге.

Когда Анфиса села на одну из лавочек [как бы парка, менее гнусную хотя бы тем, что не занятую], за спиной послышались быстрые легкие подскоки – именно такие, какие описываются в методической литературе.

Анфиса сделала большой глоток дынной водки и обернулась.

– Что, уже? – спросила она.

– Уже, – ответили Анфисе, и она опустила голову.

– А может, еще рано? – без особого энтузиазма спросила она.

– Нет, хватит. До тебя вроде уже все дошло, нечего левизну копить.

– Ну, допустим, еще не все дошло, – вяло засопровтивлялась Анфиса. – Вот если б теперь пожить, зная...

– Ну, все, – оборвали ее. – Собирайся. На выход с вещами.

– Но ведь выхода нет, – сказала Анфиса, выкручиваясь. – И я держусь левой стороны. А вещей никогда не было.

– Да пойми ты, хоть тридцать, хоть триста – не изменится ничего. Ну, какая тебе разница? А мне опять прилетать, – как-то очень ласково забормотал ей чужой внутренний голос. – Давай, давай; вот как только на элементы разложишься, – обхохочешься. Дура, скажешь, была, водку дынную дула. Ты другой источник питания найдешь, темнота! Ликбез тебе бесплатный, опять же...

Анфиса уперла руки в бока:

– А вот не пойду и все; что тогда сделаешь, гуру хренов?

– Ха, реинкарнирую куда-нибудь – в глушь, в Саратов, или еще похлеще – будешь знать.

Да мало ли что, – почесал гуру воображаемый затылок.

Анфиса услышала, как у проходящих мимо подростков заиграло в магнитофоне: «В мои обычные шесть я стала старше на жизнь...»; но не учла присутствия-отсутствия гавани и спросила:

– А ты знаком с Хренниковым?

– С последним?

– Ага.

– Ну, допустим.

– А вот отгадай загадку: какую он песню написал, там тоже о восемнадцати ноль-ноль речь идет?

– Не грузи, Анфиса, – отмахнулся гуру.

– Имею право. «В шесть часов вечера после войны», понял? Это из фильма.

– Ну, и..?

– А то, что можешь меня реинкарнировать в шесть часов после Третьей мировой, а раньше – никак.

– Коктейлей захотелось? – усмехнулся гуру.

– Захотелось, – потянулась Анфиса, зевнула и, не прощаясь, направилась на сторону, избавившись от всякого страха – к тому же, откуда-то донеслись сплиновские «Коктейли Третьей мировой».

На стороне было куда приятнее, чем на гнусной лавочке, и Анфиса свернула на улицу Гвоздева: на улице Гвоздева находился неплохой универсам, где продавалась не самая дорогая дынная ноль тридцать три.

Сделав первый глоток, Анфиса бросила взгляд на огромный старый дуб и, несколько не думая о Болконском, вздохнула, тряхнув вовсе не золотой, а порядком проржавевшей цепью, прикованной к левому желудочку ее сердца, как стариной: ей сразу стало легко и приятно, однако продолжить воспоминание помешало солнечно-дождливо-нестабильно-безвыходное «Благоприятна стойкость», и Анфиса, распрямив спину, села в 156-й автобус.

...Она сама не заметила, как уснула и, сделав полный круг и подвергшись штрафу за безбилетный проезд в сумме десяти блеклых рублей, снова оказалась на улице Гвоздева – с тем и вышла.

Делать было особо нечего; точнее, то, что делать было нужно, делать совершенно не хотелось: в таких ситуациях Анфиса шла наугад, полагаясь на остатки хромающей интуиции, причем последняя тоже хромала налево, как в коммунистическом трактате о детстве.

Странным образом, бредя наугад, Анфиса оказалась у стен института, к которому испытывала достаточно потухшие чувства. Анфиса тоскливо посмотрела в зачетку и решила зайти, чтобы ее все-таки не выгнали с последнего курса, до которого она и сама не знала как докатилась.

Стены института пахли новой краской, и у Анфисы слегка закружилась голова:

– Как же давно я не была здесь, – подумала она, стараясь пройти незамеченной мимо разнополых преподавателей, строящих ей в глубине души самые невообразимые рожи. Так миновала Анфиса несколько мин, но на шестой нос ищейки-интуиции ослаб, и Анфиса лоб в лоб столкнулась с чем-то вовсе не абстрактным, а достаточно среднего рода, но более-менее отдаленно напоминающим чадо Евы.

Чадо Евы было выкрашено в рыжеватый цвет, завершающий свою цветовую полноценность невероятными барашками мелкой химии. На принадлежность к женскому роду указывали и комки золотых с красными круглыми рубинами серег; точно такие же Анфиса видела вчера на продавщице из рыбного магазина.

– Здравствуйте, Анфиса, – сказала чадо Евы. – Не хотите ли сдать мой зачет?

Анфиса почувствовала дискомфорт всей кожей и кивнула, чудом удержавшись от «да-с».

– Пройдемте, – тоном Эдмундовича сказала чадо Евы, и Анфиса прошла в аудиторию.

...В аудитории тихо шуршало несколько дев и молодых людей весьма раздолбайского вида. «Пересдача», – облегченно выдохнула про себя Анфиса и потянулась за очень левым

билетом, на котором сразу после номера курсивилось: «Методика и методология...» Дальше Анфиса читать не смогла и посмотрела на вопросы.

Их оказалось четыре:

- 1) Специфические потенции эстетического развития морально-нравственного воспитания чел-ка разумного;
- 2) Деятельность лаборатории прогнозирования эстетического развития чел-ка разумного;
- 3) О прерогативе развития когнитивных способностей в вербальной форме; метод наглядности для чел-ка разумного;
- 4) Цели и задачи практического курса «Методики и методологии» как цели и задачи чел-ка разумного.

Анфиса поморщилась и аккуратно поинтересовалась у сзади сидящего типа, нет ли у того конспектов за этот семестр, на что тип хмыкнул и поднял глаза в потолок, разведя руками. Тогда Анфиса решила выкручиваться сама, пока ее не стошнит, и постепенно белый лист начал заполняться обрывками безумных с точки зрения Homo Sapiens'a мыслей, и достаточно неглупыми с точки зрения методологического процесса, зерна которого догнали в верхнем бессознательном Анфисы, спасибо за ликбез бесплатной вышке.

На первые три вопроса Анфиса кое-как удовлетворила отпрыск Евы, но вот с «целями и задачами» Анфису переключило, так как, находясь если не совсем в здравом уме, то, по крайней мере, в твердой памяти, она никак не могла их определить, абсолютно уверенная в том, что их нет – да так оно и было.

Чадо Евы потерло руки и перешло к наводящим и дополнительным восклицаниям, перемежающимся с огнеупорными наставлениями:

– Вы, Анфиса, разве не знаете, что цели и задачи решают попутно повышение эффективности всего процесса? А совершенствование навыков и умений? Разве это не продуктивно?

(Анфиса сглотнула то, что осталось от слюны в пересохшей гортани, и кивнула).

– На втором этапе, о котором, кстати, идет речь, – продолжало чадо Евы, – доминирующей является работа по выработке стратегии и тактики! Это очень важно, чувствуете, Анфиса?

(Анфиса снова попыталась сглотнуть, но только кивнула).

– Значительное внимание уделяется именно формированию первичных умений по переработке и закреплению! Да как же вы не понимаете таких простых вещей? А что вы можете сказать о коррекции умений и навыков? И вообще – о содержании первого этапа? – деловито осведомилась среднеродность.

...Анфиса себя еще чувствовала, но плохо. С каждым вопросом она тупела все больше и больше, с каждым вопросом все сильнее и сильнее хотелось промочить горло, сбежать куда-нибудь – она уже согласна была даже скатиться с лестницы, ведущей на инстиамскую курилку, но это казалось областью фантастики: ради «зачета» с преподавательской фамилией «Точизна» она уже согласилась потерять немного нормальной энергии, но – лишь немного (так она, по крайней мере, сама себя успокаивала).

– Не вдаваясь в анализ социокультурных факторов, – как сквозь сон слушала Анфиса, – способствовавших возникновению этой проблемы...

Анфиса мысленно надела на себя стеклянный колпак, как советовали в рекламном журнале «Вампир-донор» для домохозяек, прочитанном в туалете во время экспромтного запора, удивилась и ощутила облегчение.

Точизна, выговорившись и увидев блуждающие глаза Анфисы, изрекла:

– Ну, хорошо, я поставлю вам зачет, если вы ответите вот на что... – она на секунду замялась, но лишь на секунду. – Что вы можете сказать о подскоках?

– О чем-о чем? – переспросила Анфиса.

– О подскоках, милочка, о подскоках, – улыбнулась Точизна, и Анфиса поняла, что зачета ей не видать, как ни Парижа, ни Берлина в околоступном радиусе, и вышла в коридор.

В коридоре стало лучше; недолго думая, Анфиса глотнула воздуха и направилась к буфету. За последним столиком у окна в гордом одиночестве пила чай Лисицына.

– Хочешь вина? – гостеприимно спросила она Анфису.

Анфиса взглянула на стол; на нем не было ничего кроме чая.

– Я не вижу вина, – заметила она.

– Да его и нет, – сказала Лисицына.

– Ты опять перечитываешь Кэрролла? – спросила Анфиса.

– Я устраиваю безумное чаепитие, – отозвалась Лисицына. – А сурок опять заснул!

– Мы даром теряем время, – сказала Анфиса, обводя взглядом инститам. – Пора кому-то отрубить голову.

– Кстати, в детстве это был мой любимый мультик, – Лисицына отхлебнула чаю.

– Без вопросов, – отозвалась Анфиса и подумала: «Как странно! Что это за дверь? Посмотрю, что такое за нею».

...Отворив дверь, она очутилась в малознакомой комнате с крутящимся в центре небольшим стеклянным столиком.

– Столик, столик, – попросила общения Анфиса. – Не расскажешь ли мне о подскоках?

Столик, не прекращавший своего движения несколько тысячелетий, как не прерывает своего звучания «ОМ», внезапно поскользнулся и выругался.

Тогда Анфиса извинилась и, набравшись смелости, спросила снова:

– Столик, столик, скажи, а есть ли ТАМ что-нибудь? Или все только ТУТ, как в инстике?

Столик закашлялся, но все-таки разрешил Анфис присесть:

– Можешь отдохнуть, а потом уйти и напиться чаю, – проскрипел он.

– Please, dear table, please, – напрягла остатки английского Анфиса. – Мне нужна помощь!

– Ха, всем нужна помощь, – рассмеялся хрипло столик.

– Но мне нужна, очень срочно нужна! Иначе я умру, – Анфиса произнесла это, впрочем, без особого сожаления, но женственно и меланхолично, произведя впечатление.

Столик с минуту-другую думал, а потом спросил:

– Единственное, что я могу для тебя сделать, это научить *правильно* умирать. Гипотетически, так сказать. А, может, даже концептуально. Если ты правильно будешь умирать, то потом – ТАМ – уже не будет, как ТУТ. Хочешь? Будешь везде круто себя позиционировать.

– Конечно, хочу, – Анфиса ведь только и мечтала о том, чтобы различать *инстиТУТ* и *инстиТАМ*. – Это очень дорого стоит?

– Да нет, всего лишь один выход из некрополя.

– Из некрополя? – испугалась Анфиса.

– Да, а чего хотела-то? Между прочим, ты сейчас находишься в самом настоящем некрополе. Ты ведь еле дышишь! Я вообще не представляю, как у тебя еще хватило энергии здесь оказаться, ее почти всю выкачали, – заявил столик.

– Кто выкачал? – не поняла Анфиса.

– Кто, кто, сама знаешь, кто. Еще пара-тройка таких выходов, и твой выдох на зеркальце станет не заметен, – безоговорочно подытожил Столик.

Анфиса посмотрела в пол, но увидела только то, что увидела: обшарпанный линолеум и собственные незагорелые ноги в старых кожаных босоножках, состоящих из одних тонких плетеных ремешочков...

Анфиса подняла глаза и сказала столику, что, вообще-то, не очень дура, хотя, конечно, местами и очень, но про мир идей, вещей и теней слышала, по «И-цзин» гадала, монетки подбрасывая, «Жизнь после жизни» прочитала лет в тринадцать и даже отрывки из Египетской книги мертвых в «Науке и религии» – тоже, а еще, будто бы, придерживается закона сохранения энергии, хотя и весьма относительно.

Столик захохотал и раскрутился от этого:

– Давно я не слышал такого бреда от женщины! Ладно, а как насчет Тибетской?

Анфиса вопросительно посмотрела на него.

– Ну, «Тибетскую книгу» слабо порепетировать?

– Что порепетировать?

– Что-что. Посмертный опыт и порепетировать.

– А я... – начала, было, Анфиса, но столик ее перебил:

– Да вернешься ты в это все, – сказал он, презрительно обводя глазами окружающую живую и не очень живую природу инститама. – Зато поймешь, что никогда не нужно идти на тусклые цвета. И что идти вообще никуда не нужно.

– Чего?

– Надоела ты мне, Решайся, или я закручиваюсь сам по себе, – сказал столик, набирая обороты.

– погоди, ну, погоди ты, – подбежала к нему Анфиса. – А я пойму, почему мы... тогда... ну... расстались?! – спросила она, как плохая героиня мелодрамы.

Столик, с сожалением посмотрев на нее, захотел что-то ответить, но, будто щадя, достаточно нейтрально и отстраненно произнес:

– И это поймешь.

«...Бардо – промежуточное состояние между смертью и новым рождением продолжительностью в 49 дней. Высшая степень понимания и просветления, а значит, – максимальная возможность освобождения – достигается человеком в момент смерти... Представление о том, что все происходит „для меня“, более непосредственно, нежели мысль о том, что все происходит „из меня“. Действительно, животная природа человека не позволяет ему видеть в себе творца своих обстоятельств... Однако в посвящении живущего загробный мир – это не мир после смерти, а переворот в его взглядах и стремлениях, психологический загробный мир, или, прибегая к христианским понятиям – искупление мирских соблазнов и греха.

...Цель процесса посвящения – вернуть душе божественную сущность, утраченную с физическим рождением...

...Истинное просветление умерший испытывает не в конце Бардо, а в его начале, в момент смерти, после чего начинается погружение в область иллюзий и неведения, постепенная деградация, завершающаяся новым рождением в физическом мире...

Пребывание в Бардо не связано ни с вечным блаженством, ни с вечными муками: это нисхождение в очередную жизнь, которая приближает человека к его конечной цели, завершению его трудов и стремлений в период его земной жизни... В Чигай Бардо описаны психические явления в момент смерти, в Ченид Бардо – состояние после смерти и так называемые „кармические видения“; в Сидпа Бардо – возникновение инстинкта рождения и явления, предшествующие новому рождению... „Бардо Тёдол“ представляет собой вполне умопостижимое учение... Читатели без труда смогут поставить себя на место умершего и внимательно прислушаться к поучениям... Возможно, удел истины – приносить людям разочарование...» – читал над Анфисой, лежащей на столике, монотонный голос. Анфиса казалась похожей то ли на спящую княжну, то ли не на совсем мертвую царевну – в общем, на что-то русское классическое, и разбудить ото сна ее мог только поцелуй если уж не королевича,

то, во всяком случае, не козла – все, как в сказке, которая достаточно скоро сказывается на (а)моральном облике.

– Можно слушать много религиозных наставлений, но не познать. Можно познать и все же быть нетвердым в знании, – начал читать Голос Бардо момента смерти, и Анфиса сложила на груди руки, смиряясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.